

ОТЗЫВ

Официального оппонента на диссертацию А.М. Учайкиной «Обычное право южных алтайцев (конец XIX — начало XXI в.), специальность 07.00.07 — этнография, этнология и антропология.

Избранная А.М. Учайкиной тема для диссертационного исследования является актуальной как с теоретической, так и прикладной точки зрения. Сегодня среди обществоведов разного профиля возрос интерес к проблемам «традиции», «традиционализма», «неотрадиционализма». Он вызван тем, что во многих регионах мира, прежде всего Востока, возрождаются прежние («архаические») модели материального и идейно-духовного бытия: вновь обретают силу религии, включая представления типа культа предков, анимизма, шаманизма и др. В социально-политической жизни реанимируются, родовые, клановые, племенные или «кастоподобные» образования.

Работа диссертантки, ориентированная на реконструкцию обычного права южных алтайцев, его исторической динамики и выявление форм бытования в современном социальном и политико-правовом контексте, способствует пониманию универсальных закономерностей, связанных с функционированием «традиции» в общественном историческом процессе. Материалы и выводы, содержащиеся в ней, могут служить ценным подспорьем для деятельности законодателя: федерального и местного. Многочисленные примеры из мировой юридической практики убеждают в том, что законы, принимаемые без учета правовой культуры населения, с ее пониманием «справедливости» (должного, запретного, поощряемого, наказуемого и т.д.), обречены были быть «мертвой буквой». Особенно, как справедливо отмечает А. Учайкина, избранная ею тематика актуальна для РФ, в которой «многонациональный состав населения требует в законотворческой деятельности, а также осуществлении местного самоуправления учитывать особенности этнической культуры». Она обретает особую значимость из-за процессов «политической и культурной суверенизации, начавшихся в середине 90-х гг. XX в., и появления общественных организаций, занимающихся возрождением и развитием культуры, традиционного хозяйства и образа жизни...» (с.4).

При работе над темой соискательница использовала широкий круг источников. Для реконструкции наиболее ранних сведений об обычном праве алтайцев были изучены разного рода нормативные документы, хранящиеся в архивах Санкт-Петербурга и Алтайского края: Великая Яса Чингисхана XIII в.; Древний монголо-ойратский калмыцкий или Ойротский Устав взысканий, 1640 г. (монголо-ойратские источники); Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири 1841 г.; Сборник обычного права Сибирских инородцев 1876 г. и др. (русские источники).

Реконструкция обычного права, бытовавшего у южных алтайцев в XIX–XX веках, осуществлена в основном на базе этнографических исследований, проведенных учеными в дореволюционный период (Чихачев, Горохов, Вербицкий, Швецов, Радлов), и в советское время (Токарев, Потапов, Дыренкова).

Проработаны и современные исследования, посвященные отдельным аспектам обычно-правовой материи, традиционных институтов власти, иных обычаев алтайцев (Шатинова, Майдунова, Тадыев, Кыдыева и др.)

Использование сравнительных материалов по обычному праву казахов, киргизов, бурят, хакасов, тувинцев и других этнических групп позволило автору обнаружить наличие универсальных свойств, характерных для обычно-правовой системы. В то же время обращение к фольклору южных алтайцев (легендам, пословицам, нарративам и т.д.) дало возможность проиллюстрировать уникальные смыслы, образы, значения, связанные с конкретными обычно-правовыми нормами, свойственными их культуре.

Особую ценность для раскрытия темы представляют материалы, собранные соискательницей в ходе полевой работы, проводившейся в течение шести лет в различных районах Республики Алтай. Активно использовались социологические и антропологические методы (анкетирование, опросы, разного рода интервью, включенное наблюдение и т.д.). Владение русским и алтайским языками позволило автору собрать качественный материал, связанный с бытованием обычно-правовых норм в сфере семейно-брачных, имущественных и судебных отношений в культуре алтайцев сегодня.

В общем, использованные автором источники, научная литература, полевой материал и методы исследования позволили А.М. Учайкиной впервые наиболее полно исследовать феномен обычного права в культуре алтайцев, продемонстрировать его устойчивость в процессе исторической динамики, включая проявления обычно-правовых норм в современном социально-политическом контексте.

Однако, несмотря на имеющиеся многочисленные достоинства работы, в ней обнаруживаются и отдельные недостатки, которые, однако, серьезно не влияют на представленные выводы и результаты.

1. Не четко обозначена корреляция с юридической антропологией (антропологией права), дисциплиной, которая в известной степени также затрагивает исследуемые в работе вопросы, что отмечено автором во введении при перечислении лиц, занимающихся обычно-правовой проблематикой (с.5). В частности это относится к пониманию феномена «право». Этнографы обычно отождествляли «обычное право» и «обычаи», игнорируя точку зрения юристов, у которых это понятие неразрывно связано с «государством» (властью). Однако, теоретики от этнографии в советский период это старались учитывать (Першиц, Семенов). Поэтому А. Першиц, например, избегал употреблять в своих работах термин «обычное право», отождествляя его, по сути, с «соционормативной культурой» (Ю. Семенов - с «табуитетом»). Представляется, что позиция автора относительно соотношения данных понятий, которые в работе упоминаются, должна была быть выражена более четко (с.10).

Вызывает в этой связи вопрос определения обычного права, которое дает автор: «Под обычным правом понимается совокупность норм неписаного права, обязательных для исполнения наряду с законом и находящихся под такой же правовой защитой со стороны власти, как и нормы закона или писаного права» (с.26). Что касается писаного права, то все верно, но как неписаное право может

находиться под защитой власти, тем более, что они зачастую противоречат друг другу? И вообще, если обычное право санкционируется властью (государством), то это уже закон. Об этом пишет и сама соискательница «нормы обычного права, санкционированные государством, становились законом и в своем применении обеспечивались всей его принудительной силой (армией, чиновничьим аппаратом, полицией, судом и т. д.)» (с.38). Иными словами требует пояснения, что имеется в виду под «защитой государством» обычного права. Власть может допускать функционирование обычного права, однако, вряд ли правомерно отождествлять «допущение» с «защитой».

2. В тексте встречаются клише, заимствованные у советских авторов, которые сегодня представляются устаревшими. Например, она приводит точку зрения, согласно которой *право* возникает вместе с *государством*, а «обычаи» в результате этого превращаются в «законы», что собственно, противоречит логике самой диссертантки. В частности, опираясь на Д. Табаева, она пишет: «С появлением имущественного неравенства, возникновением частной собственности, с разделением общества на классы и образованием государства, господствующие классы и отдельные социальные группы стали приспосабливать некоторые обычаи в своих интересах, санкционируя их и обеспечивая их применение принудительной силой классового общества и государства» (с.27). Классовый характер усматривается и в Уставе 1640 г., который «по своей сущности носит феодальный характер. Он закрепляет эксплуататорский строй, частную собственность и имущественное неравенство, защищает политические и экономические интересы господствующего класса феодалов» (с.35). И далее «Свод обычного права носит классовую сущность, так как правовое положение простого народа было экономически и политически принижено» (с.42).

Отмечу, что *равенства*, о котором идет речь, не предполагает ни один общественный строй, даже в самых примитивных общественных организациях, построенных на возрастных классах (Африка), и имущественное, и «политическое» неравенство имело место. И нельзя сказать, что это было в интересах «старших», скорее всего социума, т.к. *неравенство* обеспечивало порядок, нейтрализуя соперничество молодежи, обусловленное ее психобиологическими характеристиками. В противном случае это могло обернуться «хаосом», который был бы одинаково плох для всех.

Следовало бы также уточнить, что диссертантка понимает под «материнским строем», когда, например, утверждает, что: «Существование особых отношений между дядей по матери и племянником может быть подтверждением существования у алтайцев в историческом прошлом материнского строя» (с.71-72). Действительно, при счете родства по линии матери, широко представленном в разных культурах, брат матери (дядя) является ближайшим мужским родственником его, что ранее рассматривалось учеными как подтверждение существования в гипотетическом прошлом стадии «матриархата». При этом под матриархатом понималось (со времен Бахофена), социально-политическое доминирование женщин в социуме. Однако, «матриархат» в данном понимании исчерпал себя в мировой науке еще в первой половине XX столетия, хотя в советской литературе он, действительно, продержался до конца века. Соискатель-

ница же, на самом деле, пишет о доминировании женщин в домохозяйстве, т.е. «внутреннем пространстве» социума, которое широко представлено повсеместно, причем, несмотря на формальное верховенство мужчины. Действительно, особенно ярко женское доминирование на данном уровне выражено в социумах с матрилинейным счетом родства и матрилокальным браком, на что справедливо обращает внимание диссертантка (с.57).

3. Представляется, что не вполне корректно названа вторая глава «Право собственности». Подобное название, как мне кажется, требует «погружения» в юридические штудии относительно понимания «собственности» и «права собственности». Это означает рассмотрение условий возникновения прав на собственность, анализ обычно-правовых норм, закрепляющих и охраняющих принадлежность вещей определенным лицам или коллективам, предусматривающих объем и содержание прав собственника в отношении принадлежащего ему имущества (возможность дарения, продажи, уничтожения и т.д.). Для работы же, выполненной в логике этнографического исследования, каковой является диссертация, решение подобного рода задач являлось бы избыточным. Автор на самом деле вполне справедливо сделала акцент на анализе имущественной стороны обычно-правовых норм в сфере семейно-брачных отношений (калыма). Поэтому, как представляется, следовало бы изменить название главы, которое бы адекватно отражало ее содержание.

Впрочем, отмеченные недостатки не снижают высокого качества исследования, не влияют на главные теоретические и практические результаты диссертации, которые, несомненно, оригинальны, обладают научной новизной и практической значимостью. Очевиден вклад автора в реконструкцию феномена обычного права южных алтайцев, что объясняет причины функционирования «неписаных законов» в повседневной жизни современного населения Алтая. Материалы и выводы работы могут быть востребованы соответствующими федеральными и местными органами в законотворческой деятельности. Они также могут представлять интерес для широкого круга обществоведов: этнографов, юридических антропологов, социологов, культурологов, востоковедов, философов и др.

Это характеризует соискателя как вполне сложившегося исследователя, умеющего самостоятельно ставить и решать сложные научные задачи. В общем, есть все основания заключить, что диссертация Айару Михайловны Учайкиной «Обычное право южных алтайцев (конец XIX — начало XXI в.)» является законченной научно-квалификационной работой, отвечающей требованиям ВАК, предъявляемым к кандидатским диссертациям, автор же заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07. - «Этнография, этнология и антропология».

Автореферат отражает основное содержание диссертации, содержит обоснованные выводы и рекомендации, отвечает требованиям ВАК РФ.

Официальный оппонент:
Виктор Владимирович Бочаров

Санкт-Петербургский государственный университет, Восточный факультет
199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб. д. 7-9
Тел.: +7(812) 328-77-32 , e-mail: victana2007@rambler.ru

/В.В. Бочаров/

Подпись официального оппонента заверяю

Заместитель ректора
УПРАВЛЕНИЯ КАДРОВ ГУОРП

Хомуцкая Л.П.

04 *02* 20*17* г.

